

А. И. Робакидзе

ОСОБЕННОСТИ ПАТРОНИМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У НАРОДОВ ГОРНОГО КAVКАЗА

(В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О СООТНОШЕНИИ ПАТРОНИМИИ,
РОДА И СЕМЬИ)

Проблема патронимии, как социальной организации определенного типа, в советской этнографической литературе выдвинута М. О. Косвеном. Им разработано понятие патронимии, выявлены время и условия возникновения этой организации, дана характеристика ее структуры и важнейших черт, намечены основные фазы развития¹.

Эта проблема получила дальнейшую разработку на новом обширном, главным образом кавказском этнографическом материале, в направлении, указанном М. О. Косвеном. Работы большинства этнографов-кавказоведов, появившиеся после опубликования исследования М. О. Косвена, не внесли каких-либо существенных изменений в понимание социальной природы патронимии.

К настоящему времени накопился новый и разнообразный материал, дающий возможность более ясно представить себе основные черты патронимической организации и осветить вопрос о ее генезисе и сущности. Принимая во внимание, что в основе вышеуказанных построений М. О. Косвена лежит главным образом кавказский этнографический материал, привлечение к дискуссии по вопросу о характере патронимии новых данных этнографии народов Кавказа не может быть лишено интереса.

Судя по этнографическому материалу, патронимия в Азербайджане была известна под названием *эгрэба*², в Армении — *азг*³. В литературе по Абхазии патронимия фигурирует под наименованием *абира*⁴ чеченцы ее называют *гара*, а ингуши — *варь*⁵, осетины — *иу фыды фырт*⁶, народы Дагестана — *тухум*⁷.

Исследуя пережиточные данные системы родственных отношений с целью реконструкции структуры рода у грузин, Р. Л. Харадзе вскрыла систему *мамани* в Хевсурети и *ламхубов* в Сванети⁸, которые представляют несомненный интерес с точки зрения дискутируемой темы. Даль-

¹ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 97 и сл.

² Г. Раджабов, Пережитки сельско-общинного быта в дореволюционном Азербайджане, Автореферат кандидатской диссертации, Баку, 1966, стр. 14.

³ Э. Т. Карапетян, Родственная группа «азг» у армян, Ереван, 1966, стр. 19 и сл.

⁴ Ш. Д. Инал-Ипа, Абхазы, Сухуми, 1965, стр. 405.

⁵ А. И. Робакидзе, Жилища и поселения горных ингушей, «Очерки по этнографии горной Ингушетии», Тбилиси, 1968, стр. 115.

⁶ З. Д. Гаглоева, Осетинская «Рвалдата», М., 1964, стр. 2.

⁷ Х. М. Хашаев, Общественный строй Дагестана в XIX веке, М., 1961, стр. 220.

⁸ Р. Л. Харадзе, Хевсурское «дзири» и «гвари», «Тезисы V научной сессии отделения общественных наук АН ГрузССР», Тбилиси, 1942, стр. 9—11 (на груз. яз.); е е же, Хевсурское «дзири» и «гвари», «Мимомхилвели», 1, Тбилиси, 1949, стр. 187 и сл. (на груз. яз.); е е же, Пережитки большой семьи у сванов, Тбилиси, 1939, стр. 18 и сл. (на груз. яз.).

нейшие ее исследования с привлечением богатого сравнительного материала из быта не только грузин, но и других народов Кавказа, пролили новый свет на изучаемую проблему. Они дают основание говорить, что патронимическая организация на Кавказе в недалеком прошлом имела широкое распространение. В частности в Грузии, помимо сванов и хевсур, она бытовала у мохевцев, мтиулов, тушин, а также имеретин, картлийцев, кахетин и т. д.⁹ Проделанный Р. Харадзе анализ сравнительного материала убедительно показал принципиальное отличие патронимии, с одной стороны, от рода, а с другой — от семейной общины.

Наиболее ранние описания патронимической организации у народов Кавказа относятся к периоду, когда они находились уже на феодальной стадии развития. Следовательно, указанный тип социальной организации бытовал в условиях сложившегося классового общества, в котором род как таковой не мог играть определяющей роли. Это обстоятельство заставляет раздельно рассматривать вопросы генезиса патронимии вообще и сущности патронимической организации на Кавказе.

Одной из основных и характерных черт данной социальной организации является патронимическая собственность, которая наиболее полное проявление находит в порядке раздела семейного имущества, в коллективных формах труда, в форме поселения.

В процессе сегментации большой семьи у народов Кавказа разделу подвергалось все ее основное имущество. Однако некоторые виды имущества оставались неразделенными, составляя общую собственность дочерних семей. К ним относились оборонительная башня, отчий дом, хлев, большие котлы для варки пива и приготовления араки, мельницы, паеки и т. д. Часть сенокосов, в большинстве случаев малоудобных, также оставалась в общем владении дочерних семей.

Следовательно, патронимическая собственность на поздней ступени развития предполагала совместное владение лишь второстепенными средствами производства. Это положение хорошо прослеживается не только на северокавказском этнографическом материале; оно подтверждается данными этнографии азербайджанцев, армян и грузин. Основные средства производства — большая часть пашни и сенокосов, сельскохозяйственный инвентарь, жилище и т. п. — с сегментацией семьи подвергались уравнительному разделу по числу дольщиков (сыновей). Исключение составляли лишь случаи, когда родители оставались с одним из сыновей, либо дочь была на выданье и т. п.

Совместное пользование некоторыми земельными угодиями, а также хозяйственными постройками и инвентарем при относительной стабильности территориального единства сегментированных семей способствовало сохранению общности хозяйственных интересов. Эта общность находила свое выражение в коллективных формах обработки неразделенных земельных угодий, в совместной пастбище скота, а также в различных формах преимущественной взаимопомощи, которые, как правило, носили неэквивалентный характер, в отличие от кооперирования труда с членами других родственных организаций, в основе которого лежало паритетное начало.

Однако ограничение общей собственности патронимии лишь второстепенными средствами производства суживало рамки ее общности в сфере хозяйственных интересов. Этими основными чертами патронимия отличается, с одной стороны, от рода, а с другой — от большой семьи.

При разделе большой семьи и образовании патронимии на базе дочерних семей особое значение приобретала оборонительная башня. Являясь при необходимости средством укрытия для всех членов патрони-

⁹ Р. Л. Харадзе, Грузинская семейная община, II, Тбилиси, 1961, стр. 43 и сл.

мии от внешнего врага, в дальнейшем, с утерей своей первоначальной функции, она превращалась в место хранения культового инвентаря патронимии и отправления семейных праздников. В этом отношении она, символизируя былую общность разделившейся семьи, выражала идеологическое единство патронимии¹⁰.

По мере сегментации семейной общины дочерние семьи, как правило, размещались в непосредственной близости от отчего дома, составляя моногенные кварталы с хорошо прослеживаемой генеалогией и точно устанавливаемым эпонимом. Эта форма поселения является, пожалуй, одной из характерных черт патронимии, наиболее стойко сохранившейся по сравнению с другими сторонами данной социальной организации. Представленная монументальными памятниками материальной культуры, бытовавшими до недавнего прошлого, она является ценным источником для изучения не только формирования патронимического поселения, но и процесса возникновения и развития этого типа социальной организации.

Сохранившиеся до недавнего прошлого древнейшие населенные пункты народов Центрального Кавказа представляют собой крупные оборонительные комплексы, большинство которых снабжено башней. С сегментацией семьи выделившиеся брачные пары со своим потомством располагались в непосредственной близости от общесемейной оборонительной башни и образовывали отдельные гнезда. В дальнейшем размножение семей и увеличение числа поколений приводили к ослаблению родственных уз, что в условиях повышения плотности населения обуславливало территориальное обособление и появление выселков. Эти выселки, со своей стороны, давали начало новым патронимическим образованиям и ложились в основу новых патронимических поселений.

Этнографическая наука застала патронимию на Кавказе на стадии их распада. Но если патронимическое поселение в какой-то степени отражает территориальное единство дочерних семей и отчего дома, степень их территориальной разобщенности может быть использована в качестве одного из показателей уровня развития самой организации. В этом отношении наиболее выразительные данные для характеристики простейшей формы патронимического поселения, по нашему мнению, содержатся в балкарском материале. В этом отношении большой интерес представляет квартал Кулаилары в северо-западной части большого балкарского села Эль-Тюбу.

Этот патронимический квартал представляет собой почти замкнутый четырехугольник, состоящий из 16 помещений. Он имеет внутренний двор с одним выходом на улицу. Первоначальную основу данного комплекса составляет *улу ю* — «большой дом», к которому по мере женитьбы сыновей пристраивались отдельные жилые комнаты — *отоу*. Веретено, чесалка шерсти, прялка и прочие принадлежности, необходимые для изготовления пряжи, каждая семья имела в отдельности, но ткацкий станок стоял в большом доме — им пользовались все семьи патронимии по мере надобности, вынося его во двор или в свою комнату¹¹.

Основное имущество семьи на данной ступени развития пока еще не разделено. Этим оправдывается и наличие общего центрального очага и общая трапеза, как одна из пережиточных форм общего потребления, а также наличие общего хлева — *бау*. Однако разделы семейного имущества начинаются именно в этом комплексе, в результате чего закла-

¹⁰ Р. Л. Харадзе, А. И. Робакидзе Мтиульское село в прошлом, Тбилиси, 1965, стр. 33 (на груз. яз.).

¹¹ А. И. Робакидзе, Формы поселения в Балкарнии, 1. Топография поселения, «Материалы по этнографии Грузии», т. XI, Тбилиси, 1960, стр. 98 и сл. (на груз. яз.).

дываются основы хозяйственного обособления брачных пар, что находит свое выражение в появлении самостоятельных очагов для каждой семьи в отдельности и в перенесении основной жизни в отдельные комнаты.

Несмотря на это, в общем владении патронимии остаются башня, хлев, мельницы, пасека и некоторый дорогостоящий инвентарь. Свидетельством патронимической общности является практика производственной взаимопомощи во всех отраслях хозяйственной деятельности, ответственность в сфере кровной мести, хотя и в дифференцированном виде, т. е. соответственно степени родства, а также совместное проведение праздников.

И по форме жилого комплекса, и по порядку расположения дочерних семей по отношению к отчому дому ингушский вариант патронимического поселения отличается от балкарского. Основными компонентами ингушского жилого комплекса являются жилая и оборонительная башни (соответственно *гала* и *виов*). В тех случаях, когда эти жилые комплексы обносятся каменной оградой, они приобретают характер укрепления (*галан*). Аналогичное положение наблюдается и в Чечне, где *гала*, *био* и *гип* являются диалектальными формами ингушских наименований дома-крепости, оборонительной башни и укрепления.

В Чечено-Ингушетии наиболее типичная форма поселения соответствует более высокому уровню развития патронимической организации. Но так как патронимия и здесь является одним из звеньев в системе родственной организации, именуемой *тейпа*, необходимо хотя бы вкратце остановиться на характере последней.

Большинство исследователей под ингушским *тейпа* подразумевает родо-племенную организацию. По своему типу, вернее, по своей форме *тейпа* действительно аналогична родовой организации, однако по своему происхождению и реальному содержанию за известный нам период времени ее существования она имела иной характер. В настоящее время этот термин употребляется для обозначения рода, общества, сельской общины, нередко всего села (независимо от его фамильного состава), а иногда и народа.

Подразделения *тейпа* ныне именуются *гара* (инг.) и *ваьр* (чеч.). Есть основания предполагать, что *гара*//*ваьр* и был тем термином, которым в нахских языках некогда обозначалась родственная организация, но в дальнейшем он был заменен иноязычным *тейпа* и закрепился за подразделением этой системы¹². По мере включения в родственную организацию инородного элемента в виде целых *гара*//*ваьр*, имевших нередко иноплеменное происхождение, термин *тейпа* все более терял значение родственной организации и приобретал новое содержание.

Гара//*ваьр* состояли из группы семей, имевших общее происхождение и представлявших филиации одной большой семьи. У ингушей эта группа семей именовалась *наькѣ*, а у чеченцев — *некѣ*. Самой мелкой ячейкой в родственной системе нахов была семья — *дѣзол* (инг.), *довзал* (чеч.).

Графический материал, отражающий структуру горных сел Чечено-Ингушетии, с анатомической ясностью показывает процесс формирования патронимического поселения. В этой структуре с исключительной четкостью выделяются первоначальные жилые и оборонительные башни, последующие пристройки в виде жилых башен филиаций первого порядка (*наькѣ*//*некѣ*), затем пристройки филиаций второго порядка (*гара*//*ваьр*) и, наконец, кварталы *тейпа*.

¹² А. И. Робакидзе, Жилища и поселения горных ингушей, стр. 113 и сл.

Схема расположения пахотных и сенокосных угодий, а также святыщ и склепов тоже сохранила четкие следы их принадлежности отдельным патронимиям. Вместе с тем хотя скудость материала (вызванная тем, что эти места давно заброшены их исконными обитателями) и не позволяет составить полного представления о порядке раздела семейств, однако и здесь имеются факты, свидетельствующие о том, что некоторые виды имущества не подвергались разделу. Это касается главным образом сенокосных лугов, расположенных вдали от села. Оборонительная башня, несмотря на раздел семьи, всегда оставалась в общем пользовании патронимии. Основная часть склепов составляла тейповую собственность, однако там, где тейпы развивались в сложные родственные системы, появлялись и гаровые (ваьровые) склепы.

И в горной Осетии исходную форму этнографически фиксируемого комплекса составляла жилая башня *ганаех*, представлявшая собой двух-трехэтажное монументальное сооружение из крупных каменных блоков, совмещающее жилые, хозяйственные и оборонительные функции. Как известно, она и здесь исторически предшествовала оборонительной башне — *мæсыг*¹³. Строительство вокруг спаренных башен массивной каменной ограды привело к образованию укрепленного комплекса, именуемого *галван*, *галоаон*, одно из значений которого — «каменная ограда»¹⁴.

Подобные сооружения из Северной Осетии довольно подробно описаны С. Кригер и Н. Такоевой в селениях Архон и Урикау¹⁵.

С сегментацией большой семьи, которая здесь именуется *анауараст бинонта* (неразделенная семья), ее подразделения, подобно ингушскому варианту патронимического поселения, размещались в непосредственной близости от первоначального жилого дома. Такого рода комплексы, формировавшиеся вокруг «старого дома», составляли патронимические кварталы.

В ущельях Южной Осетии наиболее выразительные образцы подобного поселения фиксированы в Рук-Коме (первый приток р. Малой Лиахви), в селениях Верхний, Нижний и Средний Рук и в центральном ущелье Лиахви, на территории исторической Двалети (селения Бритата, Челиата, Эдисы, Верхний, Средний и Нижний Эрман).

В Южной Осетии, по наблюдениям З. Д. Гагловой, родственная организация состояла из нескольких звеньев, в частности рода — *мыггаг*, включающего группы родственников различной степени родства. Круг наиболее близких родственников обозначается термином *дыггаг хадзор* (буквально «второй дом»); он включает разделившихся братьев с их потомством. Эта группа именовалась также и *уартай байуарга* (буквально «от одного огня разошедшийся»). Потомки одного из братьев через известный промежуток времени составляют группу родственников *у фиды фырт* (сын одного отца)¹⁶. Это более отдаленный родственный коллектив (до девятого поколения). Определяющим признаком, по которому отличаются друг от друга вышеуказанные группы в Осетии, является степень родства.

Надо полагать, что приведенные выше термины, обозначавшие различные родственные группы по степени родства, за исключением *мыггаг*,

¹³ Л. П. Семенов, Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР, Владикавказ, 1925, стр. 15.

¹⁴ В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, I, М., 1958, стр. 503.

¹⁵ Н. Ф. Такоева, Из истории осетинского горного жилища, «Сов. этнография», 1952, № 3; С. Кригер, Архитектура горных селений Северной Осетии, «Архитектурное наследство», 1953, № 3, стр. 151.

¹⁶ З. Д. Гаглова, Указ. раб., стр. 1 и сл.

выражают понятие патронимии в различных стадиях развития. В пользу этого говорит в первую очередь дифференциация прав и обязанностей, вытекающих из факта принадлежности к той или иной группе родственников.

Патронимии, восстанавливаемые по памятникам материальной культуры, в частности по общепатронимическим башням, святилищам и склепам, являются и здесь позднейшими образованиями. Представление об общем происхождении и вытекающие отсюда права и обязанности членов родственной организации поддерживала оборонительная башня, которая являлась местом хранения культового инвентаря и отправления семейных праздников. Ввиду этой ее функции, сохранившейся дольше всего, она именовалась *дзуар маьсыг* — святая башня. В ней хранились например, *фарфары кхилтæ* — жерди с крестом на конце, которые изготовляли к празднику в честь новорожденных мальчиков. В подобных башнях хранили также талисман *Тутыра хъул* — *альчик* Тутыра, представлявший собой трехгранную призму, сделанную из серебра. Помним того, если, например, по совету знахаря, надо было совершить по какой-либо причине жертвоприношение и выполнить соответствующую молитву в честь того или иного дзуара, расположенного вдали от села, обычай допускал выполнение этого ритуала в *дзуар маьсыг* данной патронимии, учитывая «святость» патронимической башни.

Исследуя пережиточный материал горцев Грузии с целью реконструкции структуры рода в прошлом, Р. Харадзе на хевсурском этнографическом материале выявила довольно сложную систему родственных групп, в которой наиболее крупной являлось *гвари*. Оно состояло из отдельных родственных по происхождению групп, называемых *дзири*. Последние состояли из родственных групп *мамани* (буквально «отцов»), которые, в свою очередь, делились на старых (*дзвели мамани*) и новых (*ахали мамани*) отцов. Гвари автор сближает с фратриальным объединением, а дзири считает той организацией, которая в далеком прошлом должна была соответствовать роду. Старые и новые мамани как родственные группы, входящие в дзири, автор именует «новыми по своему характеру и значению» ступенями в процессе развития родственной организации. Правда, автор не называет эти группы патронимиями, но по тем признакам, которыми характеризуются эти группы (формы владения, нормы взаимоотношений, элементы идеологической общности и т. д.), они безусловно представляют собой типичные образцы патронимических образований.

Однако значение хевсурского материала не исчерпывается этим. Именно на хевсурском материале удалось показать, что дзири является «естественно выросшим родственным объединением»¹⁷. Отсутствие этнографических данных, подтверждающих недавнее бытование пережиточной формы семейной общины в Хевсурети, не разрешило автору сделать то заключение на хевсурском материале, к которому она пришла в результате анализа чечено-ингушского материала, т. е. обосновать вывод о том, что организация типа мамани является патронимией, выросшей на базе пережиточной формы семейной общины¹⁸.

Сванский этнографический материал, сохранивший неоспоримые свидетельства бытования здесь пережиточной формы семейной общины, и в отношении патронимии оказался более четким и ясным.

¹⁷ Р. Л. Харадзе, Хевсурское «дзири» и «гвари», «Мимомхилвели», стр. 351.

¹⁸ Р. Л. Харадзе, Некоторые стороны сельско-общинного быта ингушей, «Очерки этнографии горной Ингушетии», стр. 173 и сл.

Принцип родового расселения с присущей ему формой моногенного поселения в Сванети давно был изжит. По документам XIV в., содержащим сведения о семейном составе основных сел Сванети, в некоторых из них насчитываются представители пяти, шести и более фамилий¹⁹. И этот процесс начался, конечно, намного раньше XIV в. В дальнейшем формирование полигенных поселений получило более ярко выраженный характер. Так, даже в Ушкули, самом высокогорном поселении Сванети, наиболее стойко сохранившем архаические черты, по существу нет ни одного полностью моногенного села. Особенно наглядно это выражено на примере с. Муркмел, население которого, исчисляемое в 23 дома (1957 г.), составляют представители четырех различных фамилий. Это не исключает наличия в прошлом однофамильных сел во всех частях Сванети, в том числе даже Нижней, которая на протяжении позднефеодального периода составляла часть мегрельского владетельного княжества. Наиболее типичным в этом отношении признано с. Сасаши, входившее в одну из крупных общин Нижней Сванети — Лашхети. В исследовании Б. Деген-Ковалевского, посвященном сванскому селу, значительное место отводится именно Сасаши. В этой ценной как по своим материалам, так и выводам работе имеются и некоторые ошибочные положения. По мнению автора, Сасаши «...ясно показывает структуру значительно разложившейся родовой системы, но качественный анализ этого распределения по фамилиям с учетом морфологии селения нигде не обнаруживает закончившегося перехода к территориальным соседским объединениям»²⁰. Единственным основанием для подобного утверждения является однофамильный (Ониани) состав населения Сасаши. Но если подойти к этому вопросу именно с точки зрения качественного анализа, окажется ли данное село действительно моногенным, своими корнями восходящим к родовой системе расселения? Конечно нет.

Во-первых, в Сасаши живут не только Ониани, но и представители других фамилий. Правда, их немного и в ряде кварталов их насчитывается не более 2—3, но сохранение ими своей фамилии на территории проживания Ониани уже говорит о нарушении принципа родового поселения.

Во-вторых, Ониани компактной массой проживают и вне с. Сасаши, да и не только за пределами данного села, но и за пределами всего Лашхети. Следовательно, принцип территориального единства, характерный для родового поселения, оказывается и в этом отношении нарушенным.

В-третьих, по сохранившемуся у Ониани преданию, одно из братств этой фамилии — Ониайша — ведет свое происхождение от верхнесванских Аргвлиани. Видимо, этим и надо объяснить принятие представителями Аргвлиани патронимического наименования Ониайша при наличии в Сасаши общей фамилии Ониани. Следовательно, время и условия образования Ониани не разрешают считать эту фамилию признаком родовой организации, а Сасаши — родовым поселением.

В-четвертых, по практиковавшемуся в Сванети обычаю, приемы, обосновавшись в хозяйстве отца жены, что происходило при отсутствии у последней брата, принимали не только фамилию тестя, но и наименование патронимии. Аналогичный порядок замены фамилии существовал и в тех случаях, когда слабые инофамильные семьи искали под-

¹⁹ П. Ингорквва, Исторические памятники Сванети, II, Тбилиси, 1941, стр. 117 (на груз. яз.).

²⁰ Б. Деген-Ковалевский, Сванское село как исторический источник, «Сов. этнография», 1936, № 4—5, стр. 39.

держку сильных и с общего согласия всей патронимии становились под ее защиту. Вышеуказанная практика существовала и в других районах Грузии. Это дает основание говорить о фиктивной моногенности, которая по специфическим условиям образования никак не может считаться чертой, характерной для родовой организации в ее первоначальной форме, хотя довольно явственно выражает ее традиции, пережиточно бытовавшие в классовом обществе. Это относится не только к сасашским Ониани; то же характерно для всех подобных фамилий, имевших самое широкое распространение у народов горного Кавказа, ибо ко времени фиксации соответствующего материала методами этнографии среди кавказских горцев определяющая черта рода — родовая собственность на основные средства производства — была давно утеряна с вытекающим отсюда превращением коллективного производства в формы взаимопомощи, ограничением сферы общего потребления рамками преимущественно религиозного ритуала, нарушением территориального единства, ослаблением родовых связей за счет усиления территориальных.

Все эти особенности формирования родственной организации сасашских Ониани и подобных им фамилий не исключали наличия внутри этих организаций родственных связей с соответствующими правами и обязанностями. Более того, они предполагали бытование отдельных форм взаимоотношений, как бы повторяющих традиции родовых институтов и в этом смысле представлявших пережиточные формы последних. Это было обусловлено общностью происхождения основного ядра данного коллектива, единством интересов в некоторых сферах хозяйственной деятельности, соображениями обороны и наличием святилища, являющегося выражением идеологической общности. Следовательно, и здесь святилище было не первоосновой, на которой происходил процесс формирования коллектива, а результатом этого процесса, его идеологическим воплощением.

Вышеуказанными чертами общественного быта сванов определяют особенности сванской формы патронимического поселения.

Родственная структура сванов состоит из трех основных звеньев — семья (*кор*), братство (*ламхуб*) и фамилия (*тем*). Основу этой структуры составляет семья, в результате сегментации которой образуется братство. В процессе дальнейшего развития последнего, в зависимости от степени родства, выделяется близкое, коренное (*дзириш*) и дальнее (*кяхика*) братство²¹.

Развитие родственной организации у сванов носит характер непрерывного процесса образования все новых и новых систем близких и дальних братств в результате сегментации старых. Все эти системы, и старые и новые, составляют фамилию. Изучение этого процесса позволяет составить более верное представление относительно социальной сущности отдельных звеньев в родственной организации сванов.

Материалы, касающиеся таких важнейших проблем, как природа сванской семьи, из которой развиваются вышеуказанные родственные системы, порядок наследования имущества при сегментации семьи, взаимоотношения между ее отдельными филиациями в социальной, хозяйственной и идеологической сферах жизни, свидетельствуют о том, что сванские ламхубы различных степеней родства представляют собой патронимии различного порядка, но уже в сильно развитом виде и с явно выраженными чертами состояния распада.

²¹ Р. Л. Харадзе, Пережитки большой семьи у сванов, стр. 17 и сл., см. также табл. VII (на груз. яз.).

Это находит свое подтверждение и в порядке расселения сванских ламхубов.

Таким образом, сванский ламхуб с подразделениями по степени родства на *dziриш* и *кяхика* по принципу образования в своей основе повторяет хевсурское *дзвели* и *ахали* мамани. У последних, в свою очередь, имеется близкое сходство с ингушским *ийхера доал* и *гаьнара доал*, с чеченским *гергара дей* и *генара дей*, а также с осетинским *сыггаг хадзар* и *фыды фырт*. Если в основе образования сванского наименования патронимической организации лежит термин, обозначающий брата, то хевсурское, чечено-ингушское и осетинское наименования патронимии производятся посредством термина, обозначающего отца. Это различие в образовании термина, видимо, отражает различия более существенного характера, но углубленному исследованию этого вопроса мешает отсутствие конкретного материала.

Своеобразие сванского ламхуба заключается не только в уровне его развития, но и в характере жилых комплексов, составлявших патронимический квартал. Если в Балкарии сегментированные семьи, по мере появления внутри семьи новых брачных пар пристраивали отдельные комнаты при условии сохранения непосредственной связи с отчим домом, как с основным элементом патронимического поселения; если ингушский и осетинский варианты патронимического поселения предполагали пристройку к оборонительной башне самостоятельных жилых комплексов, но уже без оборонительной башни, ибо она и после раздела семьи оставалась в коллективной собственности патронимии, то сванский вариант патронимического поселения предполагает расположение сегментированных семей также в непосредственной близости к отчому дому, но в равноценных основному жилищу комплексах, которые имеют самостоятельные оборонительные башни и благодаря этому носят вполне автономный характер. Функции идеологического единства, которые во всех вышеуказанных случаях выполняет патронимическая башня, в Сванети остаются главным образом за святилищем, именуемым *витини*.

Это обстоятельство подчеркивает большую обособленность сегментированных семей, т. е. более высокую степень распада сванской патронимии.

С нарушением моногенного принципа расселения в пределах села, фамилии и братства тесно связана чересполосица. Она привела к тому, что, с одной стороны, пахотные и сенокосные угодья одной семьи оказались в различных частях села, а с другой — в естественно выделяемых массивах, ранее принадлежавших одной фамилии и имевших общие наименования и ограду, появились участки, которые принадлежали семьям различных фамилий и даже различных ламхубов. В организации сельскохозяйственных работ стал преобладать территориальный принцип. Заказное время, сроки выпаса скота на летние пастбища, организация пастбы, чередование зерновых культур в условиях севооборота, очередность орошения сенокосных лугов, уборка сена и хлебов регулировались не с учетом родственных взаимоотношений внутри ламхуба, а территориальными связями различных по происхождению семей. Коллективные формы труда внутри патронимии, ранее предполагавшие также и безвозмездную помощь несостоятельным родичам, следовательно, исключающие эквивалентность во взаимоотношениях, приняли форму взаимопомощи, основанной на более или менее строго соблюдаемом паритете. В районах с явно выраженным сословным делением они превратились в средство эксплуатации бедняков, как это имело место и в других районах Грузии²².

²² А. И. Робакидзе, Супруги как средство эксплуатации в дореволюционной Грузии, «Мимомхилвели», II, Тбилиси, 1951, стр. 407 и сл. (на груз. яз.).

Это обстоятельство оказало влияние и на порядок раздела семейного имущества.

Согласно существовавшему в Сванети. обычаю, дольщиками имущества отца являлись лишь сыновья. Имущество делилось на равные части. Лишь старшему брату выделялась большая пашня за старшинство — *намхवेशьер*, а также младшему, если при разделе семьи он не был женат²³. Как правило, семья еще до раздела совместными усилиями всех своих членов приобретала земли и строила дом с таким расчетом, чтобы выделившиеся семьи с самого начала были обеспечены самостоятельной хозяйственной базой.

Ввиду того, что земельные угодия, будучи расположенными во всех частях прилегающей к селу местности, не были качественно однородными, каждый из отдельных участков делился по числу дольщиков. Скот делили также поровну. По материалам, касающимся дореформенного периода, «пастбища и сенокосы в прошлом были объединены по отдельным ламхубам»²⁴. В дальнейшем, видимо, эта практика не изжила себя. Б. Нижарадзе в 1880-х годах отмечал, что в Сванети пахотная земля не находится в общей собственности, что «в общей, сельской и фамильной собственности — скот, пастбища, годные сенокосы и некоторые леса»²⁵. Как уже было отмечено, в Сванети башня — наиболее ценный объект во всем имуществе семьи — не была общей собственностью патронимии. Неразделенными оставляли лишь пасеку и мельницу. Однако общность патронимии не была окончательно ликвидирована. Существенным фактом, подтверждающим наличие такой общности в прошлом, является оставление в неразделенном виде небольших по размеру участков пахотной земли — *литбил*, которые обрабатывались совместными усилиями членов патронимии под ячмень для приготовления араки, также совместно употребляемой во время пиршеств, устраиваемых в связи с религиозными праздниками. К этой же категории явлений относится и фамильное кладбище, а также расположение сельчан во время народных праздников на территории святилища в зависимости от принадлежности к тому или иному ламхубу. Этот обычай, в частности, оказался настолько устойчивым, что по камням, расположенным в определенном порядке в отдельных святилищах, и сейчас можно безошибочно восстановить структуру ламхубов в данном селе.

Сказанное выше дает основание говорить, что в Сванети хотя и прослеживаются черты патронимического поселения, вместе с тем имеются не менее ясные указания на далеко зашедший процесс распада этой социальной организации. Именно поэтому наиболее выразительные черты патронимической общности в Сванети проявляются преимущественно в древних памятниках материальной культуры и в сфере народных религиозных представлений.

Так обстоит дело с основными чертами той социальной организации на Кавказе, которая в советской этнографической литературе совершенно правомерно приняла наименование патронимии. Что же дает нам новый этнографический материал, касающийся народов Кавказа, по вопросу о генезисе патронимии, ее соотношении, с одной стороны, с родом, а с другой — с семейной общиной?

Все данные, касающиеся этнографически фиксируемых патронимий на Кавказе, неизменно указывают на развитие этой социальной организации из определенной формы семьи. Это, пожалуй, одно из непрелож-

²³ Б. Ни ж а р а д з е, Историко-этнографические статьи, I, Тбилиси, 1964, стр. 113 (на груз. яз.).

²⁴ Р. Л. Х а р а д з е, Пережитки большой семьи у сванов, стр. 23.

²⁵ Б. Ни ж а р а д з е, Указ. раб., стр. 115.

ных правил, не знающих исключения во всех сложных формах социальных взаимоотношений на Кавказе. По ингушскому этнографическому материалу основой патронимии является семья — *дѣзал*, в результате развития которой формируется *наькѣ*. Последующее развитие *наькѣ* приводит к образованию *ваьр* — наиболее широкому родственному объединению, которое все еще сохраняет некоторые черты общности в самых различных сферах жизни. Чеченский этнографический материал имеет несколько более сложную структуру: *доьзал* — *циа* — *некѣи* — *гар*. Этому концентрически развивающемуся кругу родственных организаций в осетинском соответствует *хадзар* — *сыггаг хадзар* — *иу артай бай-дарга* — *ид фыды фырт*.

Аналогичную по структуре картину находим и у горцев Грузии, в частности у хевсур: *оджахи* — *дзвели мамани* — *ахали мамани*, у сванов: *кор* — *дзириш мехвбарар* — *кяхика мехвбарар*.

Патронимии, имеющие общее происхождение, объединяются в еще более широкий круг, именуемый у ингушей *тейпа*, у чеченцев — *тайпа*, у осетин — *мыггаг*, у горцев Грузии, в частности хевсур — *гвари*, у сванов — *тем*. Однако эти объединения, признаваемые иногда за родовые, родо-племенные, кровнородственные и т. д., принципиально отличаются от патронимии, так как по существу исключают специфические черты общности, характерные для патронимии. Элементы общности имеются и в этом случае, однако они складываются не в результате сегментации семьи, которая предполагала сохранение вне раздела некоторой части общесемейного имущества, а являются следствием территориального единства, характерного для сельской общины. Не случайно многие языки Кавказа терминологически строго различают общесельское владение и патронимическое.

Следовательно, патронимия на Кавказе в том виде, в каком она описана методами этнографии, учитывая условия и время ее образования, не может быть разветвлением рода. Патронимии совершенно не свойственна такая важнейшая черта, как родовая собственность на основные средства производства. Наконец, бытование патронимии у народов Кавказа этнографически было зафиксировано в условиях развитого классового общества, в период, когда род в значении *gens* не мог играть какой-либо существенной роли потому, что рода как такового к тому времени уже давно не существовало.

Это положение, основанное на сравнительном анализе кавказского этнографического материала, полностью согласуется с той частью выводов М. В. Крюкова, в которой автор отрицает возможность понимания патронимии в качестве подразделения рода или сужения последнего²⁶ и утверждает наличие принципиальной разницы между патронимией и родом²⁷. Это говорит о существовании какой-то общей закономерности, хотя кавказский этнографический материал отражает безусловно позднейшее состояние патронимии, состояние распада.

Очевидно, что первоначальную ячейку, в результате развития которой складывалась патронимия, составляла семья. Однако какая форма семьи должна была лечь в основу образования патронимии — семейная община или индивидуальная семья? Между этими двумя формами, как известно, существует принципиальная разница. Здесь речь идет, конечно, не о численном составе семьи, так же как и не о количестве поколений, объединяемых ею. Определяющее значение и в данном случае имеет форма собственности. Индивидуальная семья с частной собственностью

²⁶ М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации, «Сов. этнография», 1967, № 6, стр. 90.

²⁷ Там же, стр. 91.

в основе не могла стать исходной ячейкой такой социальной организации, которая характеризуется патронимической собственностью и вытекающими отсюда формами общности. Общепатронимическая собственность на второстепенные средства производства с ограниченными формами коллективного производства и потребления, а также некоторая общность в сфере идеологии могла возникнуть лишь на базе такой формы семьи, которая покоилась не на частной, а на общесемейной форме собственности. Таковой могли быть либо семейная община, либо ее пережиточная форма. Поэтому, кстати сказать, нельзя считать «существенным шагом вперед»²⁸ положение Дж. Мёрдока, согласно которому «клан», под которым, очевидно, надо подразумевать патронимию, является «промежуточной родственной группой между родом и семейной общиной». Р. Фёрт в своем определении патронимии, подчеркивая ее сходство с генеалогическим деревом, разрастающимся по мере ветвления ствола, в данном аспекте, по нашему мнению, ближе к истине.

Семейная община на ранних стадиях общественного развития, в естественных условиях ее бытования в первоначальном виде, т. е. в условиях разложения рода, очевидно, и была той основой, на которой развивалась патронимия в ее классической форме. Бытование этой формы патронимии у народов Кавказа относится к слишком отдаленной эпохе, чтобы можно было уловить ее более или менее явные следы в данных этнографии; не обнаружены они и в письменных источниках. До выявления и изучения археологических материалов с этой точки зрения в данном случае можно говорить лишь предположительно. Что же касается более позднего времени, в частности периода бытования патронимий, описанных методами этнографии и фиксированных в письменных источниках, они развивались на базе пережиточной формы семейной общины, бытование которой у народов Кавказа вплоть до XX в. было доказано опять-таки М. О. Косвеню. Капитальные исследования советских этнографов последующего периода полностью подтвердили это положение М. О. Косвена, имеющее принципиальное значение для истории древних форм социальных взаимоотношений вообще, для изучения происхождения и характера патронимии — в частности.

Именно по вышеуказанным условиям происхождения и бытования патронимии на Кавказе она носила некоторые черты общности, характерные для семейной общины, возникшей в процессе разложения рода и в силу этого обстоятельства воспринявшей некоторые черты последнего.

SUMMARY

Studies of patronymy in the Caucasus has usually been based on survival material relating to the sphere of social relations and dating mostly from the XIX century.

It was the patronymic organization extant in the frame-work of an advanced class society that served as an object of study. This poses a difficult problem of how far the surviving vestiges of the patronymic organization corresponds to its original form. The character of the patronymical organization in the Caucasus and its genesis in general should be studied separately.

Among the peoples of the Caucasus patronymy seems to have arisen as a result of the segmentation first of the family community, then of its survival form which was still extant in the Caucasus as late as the XIX century; this was brought to light by M. O. Kosven and confirmed by subsequent research done by Soviet ethnographers specializing in the Caucasus.

The origin and evolution of the patronymy characterized in the article determines, in the author's view, its place among social institutions, in particular its relation to the gens on one side and to the family on the other.

²⁸ М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 86.